

наши публикации

Ленинскому комсомолу — 60 лет

«МЫ ДУМАЛИ О ВАС В ОГНЕ БОЕВ...»

Сергея Орлова нет, — время бежит неумолимо, — осень сменилась зимой, зима — летом... А в его доме остались только его стихи: на полках в книгах, в старых фронтовых блокнотах, записных книжках, среди деловых бумаг, на почтовых открытках, всюду стихи... Открытия следуют одно за другим. Ведь казалось, что его стихотворения, которые перепечатывались не один раз, хорошо известны не только близким и родным, но миллионам читателей в нашей стране и братских социалистических странах. Так казалось, потому что Сергей Орлов жил только стихами, и они были постоянно в нем, с ним, они были важны ему, пока были «в работе»... Иначе говоря, Сергей Орлов не любил возвращаться к старым записям, вернее — это возвращение он откладывал на потом, на какие-то будущие годы. Но вот вернуться к этим записям пришлось другим, пришлось мне.

...Истершийся фронтовой блокнот. На первых страницах — схема рации и схема вождения танка КВ, старательно вычерченная командиром танкового взвода, лейтенантом Сергеем Орловым. Адрес матери. И стихи, стихи, написанные то карандашами, то фиолетовыми чернилами — ручкой. Видно, забежал Сергей Орлов к старшине в блиндаж, увидел пузырек с чернилами, присел на секунду, записал все, что роилось в голове, что, в буквальном смысле слова, он нашел «в воронке, под огнем»:

А я желаю для себя немного;
Лишь мужества, чтобы идти вперед
И чтоб дошел по всем путям-дорогам
К далеким дням вот этот мой блокнот.
Вы! К вам письмом ложатся эти строки,
Здесь все, чем сердце наполнилось мое...
Вы вспомните о нас в годах далеких,
Мы думали о вас в огне боев...

Так писал в 1941 году девятнадцатилетний лейтенант. Так он думал и чувствовал в то время, так он думал и чувствовал всю жизнь. И все-таки нельзя не поразиться, что юноша лейтенант, ничего не зная ни о своей судьбе, ни о судьбе стихотворных строк, написанных в перерыве между боями, обращался к людям будущего, к вам, новые поколения Страны Советов. Обращался не только во время прорыва блокады Ленинграда, сражений на псковской земле, но и в послевоенные годы. Но вначале мне хотелось бы сказать вот о чем. Сергей Орлов любил свою танкистскую, свою комсомольскую юность. На фронте он был комсоргом танковой роты, о чем позднее написал в одном из стихотворений. В после-

военные годы много раз бывал в воинских частях, выступал в солдатских клубах, а то и прямо где-нибудь в поле, во время боевых учений, на танкодроме. В книге «Верность» (1977) у него есть обращение к новой танкистской юности, той самой, что теперь, откинув тяжелый люк, стала «навсегда причастной к немеркнущей славе», которую завоевали для нее в ожесточенных боях солдаты и офицеры эпохи Великой Отечественной войны. В том числе и офицер-танкист Сергей Орлов.

А передо мною вновь стихи и стихи сороковых, пятидесятых, шестидесятых годов, стихи, написанные в последние годы жизни, и даже не в годы, а в последние дни, часы жизни поэта.

...Двадцатый век струей огня в бетон
С рассвета упирается и рвется,
Крутому солнцу, вставшему в дозор,
Ракетным он слывет, — ему неймется.
Стекло и пластик, камень и металл,
И весь он в этикетках из неона.
Его эмблема — аэровокзал,
Напалм, тротил, нейтрон — его знамена...

Вот это и есть самые последние, неоконченные стихи Сергея Орлова.

В них он вновь обращался к «племени младому, незнакомому», как тогда, в сорок первом... Он призывал людей доброй воли быть бдительными, потому что: «мы думали о вас в огне боев...»

Главным делом жизни Сергея Орлова была поэзия, а самым важным занятием — писать стихи, писать, когда они пишутся, не думая, когда они будут напечатаны.

И вот некоторые из этих стихотворений разных лет, найденных в архивах поэта.

Вioletта ОРЛОВА

Сергей Орлов

* * *

Я в сорок третьем был комсоргом роты,
Был, вел учет и взносы собирал.
И перед боем подо Мгой в болотах
Собраниями начинал привал.
Когда, проверив в сотый раз моторы,
Ребята спали, мы, урезав сон,
Сходились молча, без речей, без споров,
На пять минут — таков уж был закон.
Лесные комсомольские собрания —
Их посещала Родина сама,
Их окружали стывшие в молчанье
Пятидесятитонные грома...

И каждый раз я как комсорг терялся,
Молчал, сигарка догорит пока,
Собрание закрывал и отправлялся
Уже один к секретарю полка.
Комсорги рот, мы все сходились вместе
(А полк уж спал) на целых пять минут,
На пять минут задерживались здесь мы,
А через час ракеты ночь взорвут.
Как дорог сон, как валит с ног усталость,
Но впятером курили мы средь тьмы:
Нам эта привилегия давалась,
И ею честно дорожили мы.

1958

* * *

По привычке дома не сидится,
Тянет в поле, лишь весна придет.
Вся земля за городом дымится,
В реках всех трещит и тает лед.
Я пойду подсматривать и слушать
Всех ветров рожденье, всех цветов,
Всех дождей и кваканье лягушек
Среди зацветающих прудов.

По горам пройду и по долинам.
На телеге с неба съедет гром,
И вожак из стаи журавлиной
Мне подарит для стихов перо.

1940

* * *

Не с немцами воюем, а с болотом,
Здесь танки тонут, но мы их ведем...
Ведь кровью обливается пехота
Под пулеметом на снегу седом.
Под минами мостим из бревен гати,
На скорости замедленной ползем.
Хрипя в укор солдатские проклятья,
Дорваться бы, пробраться, а потом...
С раскрытым люком без разбора
По лесу пулеметами хлеща,
Всю силу выжимая из мотора,

Ворваться в деревеньку, и сплеча
Бросать в казенник веские снаряды,
И стервенеть, и напролом вести
Пятидесятитонную громаду,
Сминая все на яростном пути...

1942

* * *

Я своих фотографий тебе не дарил
И твоих не просил с собой.
О тебе никому я не говорил,
Уходя на рассвете в бой.

Это только поэты пишут в стихах,
Это только в песнях поют,
Будто женская верность на дымных полях
Охраняет солдат в бою.

Ожиданьем пули не отведешь,
Заклинать судьбу ни к чему.
Будто ты меня силой любви спасешь,
Я не верю совсем тому.

Позабудешь, устанешь ждать за года,
Значит, мертвым я упаду?
Схорони, забудь, я живой тогда
Непременно, назло приду.

1944